

Российская идентичность и русская традиция на исходе эпохи глобализма

Проблемы идентичности и традиции приобретают всё большую актуальность, по мере того как глобализация обнаруживает свои пределы, а локальные и региональные процессы становятся всё более значимыми.

Позволю себе напомнить о событии, которое случилось несколько лет назад в Германии и получило много эмоциональных и противоречивых откликов. Речь идет о знаменитом заявлении Ангелы Меркель о конце эпохи мультикультурализма, сделанном в 2010 году на конференции молодежной организации Христианско-демократической партии в Потсдаме.

Отказ от политики мультикультурализма стали объяснять тем, что турки и пакистанцы не желают интегрироваться в европейское общество и расставаться со своей идентичностью. Мне представляется, что вопрос о миграции в данном случае вторичен. Скорее следует говорить о том, что мир потерял экономическую устойчивость, и в связи с этим уместно ставить вопрос о нерентабельности глобализации, которая, возможно, уже достигла своих пределов.

Что мы видим сегодня? Растущую популярность национал-консервативных партий на Западе. Рост фундаменталистских движений на Ближнем Востоке и рост националистических идей в Восточной Европе. Мир стоит на пороге регионализации, увеличения значения региональных союзов, рынков и валют. И всё это – в условиях осознания того, что США всё менее способны эффективно контролировать планетарные процессы. Глобальный проект как нечто единое понемногу сворачивается, но пока что к выгоде самих глобализаторов.

На этом фоне резко увеличивается спрос на идентичность и традицию. Идентичность, традиционализм получают право на открытое политическое высказывание. Они становятся гарантом устойчивости в нестабильном мире, вступившем в полосу турбулентности.

Что такое идентичность? В переводе на язык психологии – коллективная «Я-концепция», ответ общества на вопросы «кто мы?», «откуда и куда идем?», если угодно, осознание своей исторической миссии. Сегодня выигрывает в политическом споре тот, чья идентичность более прочная и устойчивая. Кризис идентичности или ее рыхлость, напротив, ведут к утрате политических и геополитических позиций.

Обратимся к русской традиции и российской идентичности. Казалось бы, что может быть проще – назвать ряд важных для общества культурных символов, исторических событий и знаковых фигур, ценностей и табу. А дальше заявить: вот это и есть наш гештальт (от нем. Gestalt – личность, образ, форма), наш коллективный опыт, основа национальной традиции. А внутреннее чувство общности по отношению ко всему перечисленному – наша идентичность.

Щипков Александр Владимирович, кандидат философских наук, директор Московского центра социальных исследований, главный редактор интернет-журнала «RELIGARE.ru», действительный государственный советник 3 класса. E-mail: av@schipkov.ru



Однако тема российской идентичности остается одной из самых проблемных в дискуссиях. Для того чтобы разобраться в ней, необходимо понимать, в чем заключается неизменный элемент русского коллективного сознания, – тот, что дает о себе знать при любых политических режимах. То есть в чем заключается ядро традиции.

Если следовать известной формуле Макса Вебера, таким ядром в России являются «православная этика и дух солидаризма». Речь идет не об искусственном усилении церковного влияния, а именно о христианской этике и, говоря современным языком, социальном государстве. В силу упомянутых принципов в России невозможен сценарий унитарного национализма. Русская и российская идентичность основана на религиозно-этической, а не на этнонациональной доминанте.

Одним из важных элементов российской идентичности является ирредентизм – идея воссоединения самого крупного на сегодняшний день из разделенных народов мира – русского. Воссоединения – но не насильственной «русификации» других этносов.

Условием окончательного складывания идентичности и рождения нации в России является преодоление исторических разрывов: например, поиск соединения «секулярного» и «религиозного» или преодоление конфликта между бывшими красными и белыми. Решение этих задач также соединяет части разделенного русского народа, но не в пространстве, как ирредентизм (например, возвращение Крыма), а во времени.

И еще одно важное условие: наличие общественного проекта. Ни одна большая страна не может жить и не живет «по обстоятельствам». Лишь соединение собственного образа с желаемым образом будущего позволяет традиции работать, а идентичности (субъектному измерению традиции) развиваться. Только в этом случае традиционализм не ведет к исторической инкапсуляции.

Ядро любой национальной традиции – общие ценности и модели взаимодействия людей в рамках этих ценностей. То есть социальная этика и морально-нравственный «код». Но такая этика, как правило, имеет религиозные истоки. Макс Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) утверждал, что любая религия связана с общественными устройствами, а не только с проблемой спасения души. Он говорил, что любая религия помимо сотериологической цели имеет и вполне конкретные общественные задачи и что любой религиозно-этический комплекс оказывает влияние на общественные отношения, включая экономику.

Сегодня веберовское утверждение – аксиома общественных наук. Из нее следует, что никакая общественная этика не может иметь других корней, кроме религиозных. Если связь с этими корнями прерывается, этика все равно остается в подсознании нации. Ее можно реконструировать методами гуманитарных исследований, а можно наблюдать воочию в кризисные и поворотные моменты истории. Например, во время Великой Отечественной войны очень многие советские солдаты, несмотря на официальный атеизм, обращались к вере.

Но как определить этический и культурный аспекты русской традиции на основе религиозного фактора?

Если придерживаться веберовской формулы, получится следующее определение: «православная этика и дух солидарности» (то есть справедливости, товарищества и взаимопомощи). Это – специфический русский этос. Важной его частью является идея справедливого общества. Перенос этого принципа из эпохи крестьянской общины в период строительства социального государства (пусть и с неоднозначными результатами) закономерен. Он отражает социальную проекцию евангельских архетипов в русском обществе посредством православия и православной церкви. Апостольское христианство, содержащее в

себе идеал общинной справедливости, и общественная справедливость в России – неразрывные понятия.

Идея справедливости играет в русской традиции роль категорического императива. Даже революцию 1917 года вчерашние крестьяне воспринимали не как диктат воинствующего безбожия, а как приход высшей справедливости. Подлинные корни идеи социальной справедливости в русской традиции – не в политэкономических тезисах марксистов, а в христианском сознании.

Культурный контекст также обнаруживает тесное взаимодействие светского и религиозного. Даже узкий слой российской интеллигентской культуры, где светская и религиозная линии кардинально разошлись еще в XVIII веке, испытывал это взаимопроникновение (вспомним произведения Гоголя, Достоевского, Лескова, Льва Толстого). А уж в остальном обществе – как говорится, «в народе» – взаимодействие, взаимообмен светского и религиозного осуществлялись постоянно. Выражения вроде «это не по-христиански», «креста на тебе нет!», «побойся Бога» часто можно услышать из уст нерелигиозных людей. Светское общество несет в самом себе нормы христианской этики.

Разумеется, и РПЦ, и духовенство других религий учитывает этот феномен социального начала в религии и работает с ним. В последние годы получили известность положения «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Аналогичный документ существует и действует в Римско-католической церкви. Здесь Россия следует мировым трендам.

В последнее время набирает силу процесс социализации РПЦ. В СССР такой процесс был невозможен, а в России 1990-х – замедлен. Между тем, например, в Польше социализация церкви прошла еще в 1980-х годах. После ухода коммунистов никто не мешал польскому католичеству вернуться в свою социальную нишу. Поэтому сегодня вся консервативная часть политического спектра Польши пропитана католическими идеями.

В других странах Европы и Америки социализация прошла еще раньше. В России она происходит с некоторой временной задержкой. Причина – слишком долгий период государственного атеизма, а также его сегодняшние рецидивы, от которых не свободна часть политической элиты.

Тем не менее процесс социализации православия и других традиционных религий в России исторически неизбежен. Он находится в русле мировых тенденций. В частности, этот процесс поддерживается запросом современного общества на «светскую религиозность», связанную с феноменом «постсекулярности», о которой в последние годы много говорят как на Западе, так и в России. Есть и еще один фактор, способствующий повышению роли религии в модели мира российской цивилизации. Он касается уже непосредственно Церкви, которой сегодня принадлежит особая роль в деле сохранения национальной традиции. РПЦ оказалась единственным институтом исторической России, который пережил советский период. Именно он связывает нацию живыми нитями с ее дореволюционной культурой. Историческая преемственность России все еще четко не определена, поэтому Церковь невольно стала хранителем всей национальной традиции, а не только церковной. Конечно, это роль скорее «временного исполняющего обязанности», и как только эти обязанности возьмут на себя другие общественные институты, РПЦ их уступит.

Сегодня духовенство не только РПЦ, но и всех традиционных религий, существующих в России, ответственно за то, чтобы религиозная этика и культура укреплялись независимо от отношения тех или иных людей собственно к религии. В этом случае можно рассчитывать на целостность и моральное здоровье российского общества в будущем, на межнациональный и межконфессиональный мир.



Христианская этика может стать точкой сборки значимых для России социокультурных содержаний. Этот фактор в сочетании с фактором русского языка позволяет дать более четкое смысловое наполнение понятию «русский мир», которое все еще не получило окончательного определения.

Аннотация. В докладе говорится о новом историческом запросе на традицию и идентичность, который возникает по мере того как процесс глобализации обнаруживает свои естественные пределы. Утверждается, что русская и российская идентичности основаны на религиозно-этической, а не на этнической доминанте. Одним из важных элементов российской идентичности следует считать ирредентизм (идею воссоединения самого крупного на сегодня разделенного народа мира – русского), который следует отличать от насильственной «русификации» других этносов. Ядро русской идентичности, если придерживаться известной веберовской формулы, – «православная этика и дух солидарности» (то есть справедливости, товарищества и взаимопомощи). Это и есть специфический русский этос. Практически идея справедливости играет в русской традиции роль категорического императива. По мнению автора, христианская этика может стать точкой сборки значимых для России социокультурных содержаний. Этот фактор в сочетании с фактором русского языка позволяет дать и более четкое смысловое наполнение понятию «русский мир», которое все еще не получило окончательного определения.

Ключевые слова: идентичность, православная этика, пределы глобализации, русский мир, солидарность, справедливость, традиция, этос.

Alexander Shchipkov, Ph.D. in Philosophy, Director, Moscow Centre for Social Studies; Editor-in-Chief, Online-journal ELIGARE.ru; Actual State Councillor, 3rd class.

Russian Identity and Russian Tradition at the End of the Globalization Era

Abstract. The report dwells on a new demand for tradition and identity, which emerges as globalization exhausts itself. The keynote of Russian identity is claimed to be religious and ethical, rather than ethnic. Irredentism - the reunification of the largest divided nation (Russian) – should be viewed as a key element of Russian identity. It should be distinguished from russification of other ethnic groups by force. To cite Weber's famous formula, the core of Russian identity is formed by "Orthodox ethics and solidarity spirit, that is equity, partnership and mutual assistance. This is a particular Russian ethos. In practice, justice plays the role of the categorical imperative in the Russian tradition. The author believes that meaningful socio-cultural ideas can be centred round Christian ethics. This factor, along with the Russian language, allows to make the "Russian World" concept more precise from the semantic point of view, as this notion still needs to be fully defined.

Keywords: Identity, Orthodox Ethics, Globalization Limits, Russian World, Solidarity, Justice, Tradition, Ethos.